

Л. Р. Габдрафикова**Мензелинские шляхтичи в XVIII — начале XX века**

Мензелинские шляхтичи — небольшая социальная группа, сформировавшаяся из военных Смоленской крепости (Речь Посполитая), переселенных в 1654—1667 гг. в Мензелинский острог. В статье освещается история взаимоотношений иноземцев-шляхтичей и казаков в XVIII в., вопросы правового регулирования статуса шляхтичей-дворян в конце XVIII — начале XIX века и их земельных владений в Мензелинском уезде, приводятся примеры успешной интеграции и профессиональной занятости потомков шляхтичей. Кроме того, представлена статистика 1835 г. по расселению шляхтичей в Оренбургской губернии. Документы Мензелинского краеведческого музея иллюстрируют жизнь шляхтичей накануне 1917 г. и в первые годы советской власти. Большинство мензелинских шляхтичей долгое время сохраняло корпоративную самобытность. Вместе с тем автор приходит к выводу, что за несколько столетий данная социальная группа претерпела сословные трансформации:полнила число дворянства, казачества, крестьянства и мещанства.

Ключевые слова: шляхта, Оренбургская губерния, Уфимская губерния, уездный город, социальная история России.

Введение. Мензелинские шляхтичи — небольшая социальная группа, сформировавшаяся в результате переселения в Мензелинский острог в 1654—1667 гг. военных из Смоленской крепости. Бывшие служилые люди Речи Посполитой, приняв российское подданство, пополнили ряды военно-служилого населения и проживали сначала в крепостях Закамской укрепленной линии, в дальнейшем расселились по всему Волго-Уральскому региону. Город Мензелинск, находящийся ныне на территории Республики Татарстан, в имперский период относился к Оренбургской и Уфимской губерниям. В отличие от других населенных пунктов (бывших крепостей) существенная часть шляхтичей компактно проживала в Мензелинске и накануне 1917 г. Поэтому этот ярмарочный центр иногда характеризовали как город «ликующей шляхты» [15, с. 65]. Безусловно, данный социальный феномен заслуживает более пристального внимания и научного исследования как пример интеграции иноземцев в российскую правовую систему и социокультурную среду. Кроме того, выбор темы исследования обусловлен широкой документальной базой, охватывающей в том числе первые десятилетия советского периода истории.

Литература и источники. Переселение части смоленских шляхтичей в Мензелинский острог является одним из хрестоматийных примеров колонизации Волго-Уральского региона в XVII в., поэтому этот сюжет фигурировал в дореволюционных трудах как по истории Мензелинска, так и более общего характера [10; 12; 15]. В исследованиях советского и постсоветского времени о Закамской укрепленной линии, о населении Волго-Уральского региона также имеются некоторые сведения о мензелинских шляхтичах. В этой связи необходимо отметить монографии и статьи У. Х. Рахматуллина [24], И. М. Васильева [3], В. В. Ермакова [11]. Отдельную статью судьбе смоленской шляхты на Южном Урале посвятил Б. А. Азнабаев [1]. Однако основные научные публикации о данной социальной группе ограничиваются историей XVII—XVIII вв. Это объясняется нивелированием сословных границ к XIX в. и юридическим «исчезновением» мензелинских шляхтичей с архивных страниц.

Часть шляхтичей пополнила ряды аристократии Оренбургского края, об этих фамилиях подробно говорится в известном труде В. А. Новикова по истории уфимского дворянства [21]. В статье М. И. Роднова о помещичьих землевладениях в Мензелинском

© Габдрафикова Л. Р., 2022

уезде накануне отмены крепостного права также можно найти любопытные сведения о потомках местных шляхтичей [25].

Помимо указанной научной литературы для раскрытия нашей темы имеют чрезвычайную важность разноплановые источники. Так, опубликованные документы по истории Екатерининской Уложенной комиссии показывают особенности социально-экономического положения мензелинских шляхтичей в середине XVIII в., а также их взаимоотношений с представителями других сословий [32]. О жизни шляхтичей рассказывают судебные материалы из фонда Мензелинской приказной избы [26].

Важными источниками для изучения мензелинских шляхтичей первой половины XIX в. являются материалы из канцелярий уфимского и оренбургского губернаторов, отложившиеся в Национальном архиве Республики Башкортостан [20] и Государственном архиве Оренбургской области [5]. Они раскрывают такие детали, как общая численность, характер расселения шляхтичей в Оренбургской губернии, особенности получения ими дворянского звания и т.д.

Опубликованные материалы по земельной собственности иллюстрируют экономическое положение мензелинских шляхтичей во второй половине XIX в. [23; 33]. Кроме того, бытовые зарисовки из жизни данной социальной группы можно найти в публицистике конца XIX в. [16; 31; 35].

Уникальная коллекция документов о шляхтичах имеется в фонде Мензелинского краеведческого музея: местный горсовет собирал подробные сведения о потомках шляхетских фамилий г. Мензелинска, живших на рубеже XIX—XX вв. [17].

Обозначенный выше корпус источников и научной литературы позволяет представить в общих чертах жизнь мензелинских шляхтичей в XVIII — начале XX в.

Результаты исследования. В Смоленской крепости несли службу 4 отряда шляхтичей, каждый из них имел свое знамя и отличался по цвету знамени. В Мензелинский острог направили смоленских шляхтичей черного знамени. В литературе наиболее часто говорится о 124 иноземных переселенцах [10, с. 38; 12, с. 22]. Им были назначены единовременные пособия для организации хозяйства на новом месте и постоянное денежное содержание, а также выделены земельные наделы в окрестностях крепостей [11, с. 104]. В 1683 г. шляхтичам разрешили не только пользоваться отведенными им землями, но и закладывать, продавать, отдавать их в приданое. Это было серьезным повышением их правового статуса. Обычно расширение земельных прав шляхтичей в дореволюционной исторической литературе связывают с их активной ролью в подавлении Сеитова бунта 1676 г.

Несколько поколений мензелинских шляхтичей продолжали именоваться «иноземцами». Об этом говорят документы Мензелинской приказной избы начала XVIII в. Если основное население Мензелинска относилось либо к казакам, либо к отставным солдатам, то третьей часто упоминаемой группой были «иноземцы». Например, в документах особенно часто встречались такие фамилии «иноземцев», как Маковские, Лазовские, Филиповичи, Быковы, Тетеревниковы и др. [26, д. 14, 49, 52—54, 62]. Судя по этим записям, казаки, отставные солдаты и «иноземцы» часто конфликтовали. Так, среди этих документов много дел «о нанесении оскорблений», о краже домашнего скота, сена и другого имущества.

Иноземцы-шляхтичи в это время старались жить обособленно, в середине XVIII столетия в Мензелинске существовала Панская слобода [35, с. 39]. Возможно, и построенная в этот период церковь Смоленской Божьей матери также была связана с исторической памятью шляхтичей [18, с. 24].

Переселенцы из Речи Посполитой не были этнически однородными. Считается, что вместе с польскими шляхтичами в Смоленской крепости служили и казаки (вероятно, белорусы), которых позднее тоже указывали как часть шляхты. Так, филолог и этнограф В. И. Даль представителей мензелинской шляхты из-за их особого говора относил к белорусам. Он отмечал, что характерной чертой выговора является дзяконье, например, вместо предлога *с* они произносили *з*, а звуки *я* и *ю* заменяли на *а* и *у*. Вместо «волк» они говорили «ваулк», «дзядя» вместо «дядя», «трабуха» вместо «требуха» и т.д. [16, с. 61]. Современный исследователь Б. А. Азнабаев подчеркивает, что в окрестностях Мензелинска наряду с немногочисленными офицерами-шляхтичами были расселены главным образом «панцирные бояре» из Смоленска. Они отличались от смоленских «грунтовых казаков», поселившихся в других крепостях Закамья, и поэтому держались обособленно [1, с. 216]. Но и «панцирные бояре» уступали в правах шляхте, однако новое место жительства на некоторое время уравнило всех выходцев из Смоленской крепости.

В начале XVIII в. основной обязанностью мензелинских шляхтичей, как и местных стрельцов и казаков, оставалась охрана крепостей и военная служба. В 1730-е гг., после утраты значения оборонительного рубежа и переноса внешних границ на юго-восток, началась реорганизация воинских гарнизонов Закамской засечной черты. Были образованы драгунские и казачьи полки. Эти военные формирования направлялись на юго-восток, для службы в крепостях Оренбургской укрепленной линии [24, с. 57]. По данным Б. А. Азнабаева, в начале 1740-х гг. «в двух мензелинских городских шляхетских ротах несли службу в разное время от 190 до 220 человек» [1, с. 215].

В 1736 г. была образована также Закамская ландмилиция. Службу в ландмилицких драгунских полках начинали с 15 лет, а для постоянного пополнения полков новыми служилыми людьми детей с 7 лет отправляли в солдатские школы. Например, одна из таких школ была открыта в Мензелинской крепости в 1743 г. [10, с. 186], но действовала недолго и вскоре закрылась. Очевидно, это было связано и с ликвидацией в 1747 г. самой ландмилиции в Закамье. Как отмечал У. Х. Рахматуллин, после этого бывшие военные получили статус крестьян-однодворцев. Многим из них до этого предлагалось перейти на службу в крепости Оренбургской укрепленной линии, были обещаны льготы, однако добровольцев практически не нашлось, никто не хотел менять место жительства [24, с. 58].

В XVIII в. между мензелинскими шляхтичами и казаками возникали различные земельные споры и судебные разбирательства. Это противостояние отражалось и на их служебных взаимоотношениях. Так, в середине XVIII в. казаки считали, что власти недостаточно высоко оценивают их служебные заслуги, ущемляют права, в том числе во время военной службы. По их мнению, сыновья шляхтичей быстрее продвигались по службе и уволиться они могли по собственному желанию. Тем не менее и шляхтичи, и белопахотные казаки вместе несли военную и «градскую» службу.

Конфликтность во взаимоотношениях двух социальных групп усугублялась по разным причинам. Например, из-за судебных разбирательств по земельным вопросам при назначении на должности представители шляхтичей старались не допускать к вакантным местам и продвигать по службе представителей тех фамилий, которые когда-то судились с ними [32, с. 215—217]. Кроме того, имела место и сословная ориентированность российского общества. Безусловно, дворяне, к коим начали относить себя и некоторые шляхтичи, занимали более выгодные места в служебной иерархии.

Во второй половине XVIII в. численность мензелинских шляхтичей начинает сокращаться за счет перехода в другие сословные группы. В первую очередь они пополняли ряды дворянства. Но в целом в этот период сословные границы между дворянством и шляхетством были еще размытыми, что иллюстрирует и пример с выборами в депутат-

ские собрания. С 1766 г. в связи с организацией Уложенной комиссии Екатерины II начали открываться и дворянские собрания. К 1767 г. эти указания дошли до Оренбургской губернии. Но в циркуляре военного губернатора А. А. Путятина от 25 января того года ничего не сказано о шляхтичах. В итоге гражданские власти в Уфе решили, что мензелинских шляхтичей нужно включить в состав уфимского дворянства. В Мензелинске представителем-выборщиком избрали секунд-майора С. Н. Пироговского, но законный представитель мензелинского шляхетства не доехал до Уфы из-за болезни, а уфимские дворяне провели выборы без мензелинцев. Как выяснилось потом, и сами шляхтичи не стремились объединяться с уфимским дворянством: в мае 1767 г. шляхтичи решили, что им нужен свой особый депутат. Об этом они написали уфимскому воеводе, но он отклонил предложение шляхтичей, настаивая на вхождении мензелинской шляхты в состав дворянства.

В отличие от уфимского воеводы-губернатора Спиридова его оренбургский начальник считал иначе. В июне того же 1767 г. мензелинские шляхтичи получили пояснение из Оренбурга о том, что нет препятствий к избранию особого депутата. При этом такое решение военного губернатора А. А. Путятина объяснялось тем, что он был противником равенства уфимских дворян и мензелинских шляхтичей, так как они не обладали одинаковыми правами. В итоге 15 июня 1767 г. в Мензелинске на собрании 97 шляхтичей избрали депутатом отставного секунд-майора Е. К. Тихановского [3, с. 55].

В конце XVIII в. благородство происхождения многих шляхетских семей Закамья оставалось недоказанным. Поэтому они обратились со своими документами в Оренбургское дворянское депутатское собрание, откуда ходатайства в 1794 г. были направлены в столичную Герольдию. Документы, собранные мензелинскими шляхтичами, включали выписку из крестоприводной книги с перечислением фамилий предков, выданную московским архивом иностранной коллегии [5, л. 1—1 об.]. Некоторые таким образом пытались не только доказать свое благородное происхождение, но даже хотели вернуть земельные угодья, оставленные на Смоленщине.

Оренбургское дворянское депутатское собрание после рассмотрения дел шляхтичей 12 июля 1799 г. постановило внести в дворянскую родословную книгу 42 фамилии шляхтичей. В тот список вошли Бакуны, Богдановы, Борозны, Брудински, Быковы, Булатники, Витковски, Ваможенины, Вышински, Голенищевы, Головы, Дудари, Еньковы, Ждановы, Каменски, Каташи, Космачи, Ляховы, Ляховичи, Медвецки, Микуновы, Мои-сеенки, Одинцы, Островски, Петровы, Пилецки, Пироговски, Пушки, Пьянковичи, Превлоцки, Сенкьевы, Сипайловы, Стасевы, Суворовы, Тетеревники, Тимоховы, Тихановски, Тиханы, Усовичи, Филиповичи, Харкевичи, Янчевски. Всего в списке было 359 человек мужского пола [20, л. 4 об.]. На основании полученных постановлений мензелинские шляхтичи наделялись дворянскими правами, участвовали в выборах дворянского собрания [20, л. 5].

Некоторые шляхтичи из Мензелинска наряду со шляхтичами из других населенных пунктов Закамья (видимо, те из них, кто не был причислен к оренбургскому дворянству) в начале XIX в. продолжали записываться в казаки. Все они переселялись в крепости Оренбургской укрепленной линии [2, с. 70]. Безусловно, на такой шаг их толкало тяжелое социально-экономическое положение. Например, мензелинский учитель И. Шляпников в 1816 г. отмечал, что дома шляхтичей, впрочем, как и белопахотных крестьян, «построены худо и не имеют труб, а иногда служат вместе и хлевом». Он же подчеркивал, что местные шляхтичи занимаются хлебопашеством и скотоводством, и лишь немногие из них думают о необходимости просвещения своих детей и отдают детей в местное училище [34, л. 2—3].

В 1822 г. был издан закон, согласно которому у смоленских шляхтичей отбирали права поместного дворянства. Исключения были сделаны лишь для тех, кто получил дворянство благодаря службе. Остальных обязали продать своих крепостных. Этот указ коснулся и мензелинских шляхтичей. Так через четверть века после их причисления к родословной книге Оренбургского дворянства вновь возник вопрос о правомочности благородного происхождения мензелинских дворян [5, л. 1]. 20 января 1828 г. был издан указ о том, что имевшихся доказательств благородного происхождения мензелинских шляхтичей недостаточно, и им было рекомендовано дополнить эти сведения. После этого их исключили из дворянской родословной книги Оренбургской губернии.

Но они вновь составили прошение в Оренбургское дворянское собрание, снова предъявили прежние доказательства своего благородного происхождения. Среди них были копии документов из Оренбургской гражданской палаты: копия высочайшей грамоты царей Ивана и Петра Алексеевичей от 9 сентября 1682 г., согласно которой шляхтичи наделялись обширными правами землепользования; копия именного списка уфимского дворянства и детей боярских, в котором значились и шляхтичи пригорода Мензелинска [20, л. 5 об.].

Основная проблема мензелинских шляхтичей была в том, что среди их старых документов о земельных владениях и привилегиях, данных еще польским королем, не везде указаны фамилии. Они имели общий характер, поэтому сложно было доказать, кто входил в эту группу, а кто нет. Хотя у многих из них имелись родословные [20, л. 4 об.].

Поэтому в начале 1830-х гг. по всей Оренбургской губернии вновь собирали сведения о шляхтичах, об их численности и занятиях. Их вопрос снова рассматривался в Оренбургском депутатском дворянском собрании, и было вынесено постановление о том, что шляхта сия «подлежит к внесению в дворянскую родословную книгу». Это решение датировалось 20 сентября 1830 г. Рапорт об этом 26 февраля 1831 г. был направлен в Герольдию [20, л. 6]. В итоге некоторым шляхтичам удалось сохранить дворянский статус. Исследователь истории уфимского дворянства В. Новиков приводил в своей книге основные фамилии шляхтичей, занесенных в дворянскую книгу Оренбургского края: «...Харькевичи, Пироговские, Пьянковичи, Суворовы, Филиповичи, Брудинские, Богдановы, Борозны, Быковы, Тиханы, Тетеревниковы, Тихановские, Сипайловы, Дударь...» [21, с. 32—33]. Среди мензелинских шляхтичей часто встречались носители фамилий Дударь, Тихан, Филипович, Брудинский, Быков, Пьянкович, Тихановский.

Так, в 1805—1829 гг. обязанности земского исправника Мензелинского уезда исполнял дворянин, титулярный советник Илья Петрович Филипович (1772 г.р.), происходивший из рода мензелинских шляхтичей. Система охраны гражданского правопорядка в Оренбургской губернии в конце XVIII — начале XIX в. была еще на стадии становления. Если в самом Мензелинске делами правоохранительного характера занимался градоначальник, то в уезде эту сферу курировал исправник. Земские исправники выбирались из числа мензелинских дворян и проживали в уездном центре.

Трудовая биография И. П. Филиповича была связана с военной службой. С 1781 г. он служил в Капорском пехотном полку в качестве солдата, сержанта и адъютанта. В 1785 г. адъютант Филипович был переведен в Оренбургский драгунский полк. Уволился с военной службы в 1797 г. в звании поручика. Несколько лет участвовал в работе Бузулукского земского суда, был дворянским заседателем, затем бывший военный Филипович был назначен местным дворянством на должность земского исправника Бузулукского уезда, позднее он переводится в родной Мензелинский уезд [28, л. 1—4].

Земский исправник Илья Петрович Филипович вместе со своей супругой Глафирой входил в «высшее общество» Мензелинска. Они дружили с мензелинским городничим

Алексеем Пыпиным и его супругой Авдотьей. В частности, чета Пыпиных и Глафира Филипович принимали активное участие в торжествах, связанных с преобразованием Мензелинского уездного училища в 1817 г. [14].

Интересно, что на должности мензелинского земского исправника трудились и другие представители фамилии Филиповичей. Так, в 1832 г. следить за порядком в Мензелинском уезде был направлен 26-летний отставной подпоручик, дворянин Николай Васильевич Филипович. Несмотря на молодой возраст, он успел побывать дворянским заседателем в Бугурусланском уездном суде, выполнение этих обязанностей было своеобразным этапом подготовки к должности земского исправника [29, л. 1]. К слову, Н. В. Филипович был владельцем имения с сотней крепостных крестьян в Бугурусланском уезде. До гражданской службы служил юнкером в отдельном корпусе конно-артиллерийской роты Оренбургского казачьего войска, в 1826 г. оставил военное дело в чине прапорщика [29, л. 4]. Интересно, что в это время ему едва исполнилось 20 лет, таким образом, его военная служба заняла около четырех лет и, судя по всему, носила формальный характер. Молодой Н. В. Филипович, в отличие от своего родственника И. П. Филиповича, служил в Мензелинском уезде земским исправником лишь несколько лет. В начале 1834 г. Николай Васильевич уволился «по домашним обстоятельствам» [29, л. 12, 19].

Судьба дворян Филиповичей является одним из примеров успешной интеграции рода иноземцев-шляхтичей в российскую правовую систему и социокультурную среду.

Есть и другие примеры. В начале XIX в. мензелинским почтальоном служил Гаврила Дударь, вышел в отставку в 1825 г. [27, л. 12]. Он представлял известную шляхетскую фамилию, а данную работу доверяли тогда служилым людям, в Сенатском указе 1735 г. об учреждении почты до пригородка Мензелинска подчеркивалось, что должность почтальона должен занять «человек из офицеров или дворян» [13, с. 9].

По данным 1835 г., в Оренбургской губернии оставалось еще 986 человек, относившихся к шляхтичам. При этом в сельских населенных пунктах (уездах) проживало 717 человек, а в городах насчитывалось 269 шляхтичей. Больше всего шляхтичей было в Мензелинске — 186 человек. В Мензелинске функционировало свое шляхетское общество. В конце 1835 г. его начальником состоял шляхтич по фамилии Дударь [20, л. 13]. У членов общества были свои права и обязанности. Мензелинское шляхетское общество должно было содержать при городничем правлении для пожарных нужд две пары лошадей. Кроме того, шляхтичи выполняли так называемые полицейские служительные обязанности. Они следили за порядком не только в самом городе, но и контролировали ближайший большой Уфимский тракт, проселочные дороги и мосты [20, л. 14].

Большинство мензелинских шляхтичей не имели никакого служебного чина (147 человек), только 39 человек были связаны с государственной службой и таким образом продолжали служилые традиции своих предков. В целом в Оренбургской губернии имели служебные чины лишь 94 шляхтича из 986, т.е. около 9,5%. Что касается сельской местности, то в 1835 г. больше всего шляхтичей проживало в слободах и селах Бугульминского уезда — 578 человек. После Бугульминского следующим «шляхетским» уездом Оренбургской губернии был Мензелинский, где в сельских населенных пунктах было зафиксировано 93 шляхтича. Совсем немного представителей шляхетского звания проживало в Бугурусланском уезде, где (вместе с проживавшими в самом Бугуруслане) насчитывалось 33 шляхтича. Также 21 шляхтич обосновался в губернском центре Оренбурге, еще 21 шляхтич выбрал местом жительства уездный город Белебей. В самих уездах этих городов не было зафиксировано ни одного жителя с сословным званием шляхтич. Таким образом, в 1835 г. в Оренбургской губернии наиболее компактно шляхтичи проживали

в Мензелинске и в окрестностях этого уездного города, а также в сельских населенных пунктах Бугульминского уезда [20, л. 82—82 об.].

В середине XIX столетия в Мензелинске лишь 47 человек из потомков смоленской шляхты не облагались налогами [10, с. 38]. Остальные шляхтичи, не желавшие нести военную службу и предпочитавшие работать на отведенных им общинных землях, были включены в сословие государственных крестьян [15, с. 56—57]. Так завершилось соперничество местных шляхтичей и казаков, теперь все они являлись податным сословием.

Земли шляхтичей, их хутора и деревни очень часто располагались вблизи г. Мензелинска. Это объяснялось тем, что военным Мензелинского острога земельные наделы выдавали поблизости от крепости. Некоторые мензелинские шляхтичи, особенно сохранившие за собой дворянское звание, сумели существенно увеличить размер земельных наделов, доставшихся по наследству. Накануне отмены крепостного права среди владельцев помещичьих имений в Мензелинском уезде были следующие шляхетские фамилии: Ляхович, Борозня, Филипович, Дударь, Харкевич, Буткевич, Пьянкович, Петровский (Петров), Брудинский, Тихановский. Таким образом, шляхтичей-собственников помещичьих имений ко второй половине XIX в. осталось уже немного. Поместья шляхтичей были разными и по земельным размерам, и по количеству крепостных душ. Например, небольшие, в 76—93 десятины (как у Дударей, Буткевичей), или могли включать земельные угодия размером от 1,3 до 1,5 тыс. десятин (Филиповичи, Харкевичи). Крепостных тоже могло быть 13 человек, как у Дударя, так и почти 400 крестьян, как у Филиповича в деревне Ильинское. Но преобладало, безусловно, мелкопоместное дворянство [23, с. 10; 25].

Совместное проживание с другими социальными группами, нивелирование сословных границ и иные социально-экономические процессы способствовали ассимиляции шляхтичей. Например, некоторые авторы подчеркивали, что к середине XIX в. большинство потомков шляхтичей «обрусели по языку и вероисповеданию, только в обычае брить бороду и в некоторых особенностях одежды обнаруживают свое западное происхождение» [31, с. 32]. В Мензелинске в начале XIX столетия не было Панской слободы, сохранилась только Большая Панская улица [18, с. 24]. Для сравнения: и Панская слобода Бугульминского уезда сменила свое название на Солдатскую Письмянку.

В конце XIX в. о шляхетском происхождении некоторых мензелинцев говорили их фамилии: Каташи, Дудары, Космачи, Борозны и др. Один и тот же род шляхтичей в течение столетия или даже десятилетий мог менять несколько сословных званий. Например, в числе первых жителей Мензелинска были Будрины. Российская ветка этого «иноземного рода» начинается с Якова Будрина. Он принял православие при царе Алексее Михайловиче и был направлен на службу в Мензелинскую крепость. Впоследствии его дети (сын Герасим, внук Яков, правнук Поликарп (1694 г.р.), праправнуки Дмитрий, Илья и Федор), а также другие являлись служилыми людьми [30, с. 228]. Будрины имели в уездном городе домовладения. Однако в конце XIX в. особым имущественным статусом не отличались, да и принадлежность к благородному званию, очевидно, была утрачена. Например, в 1899 г. умер в земской больнице мензелинский мещанин Будрин [7, л. 54]. В начале XX века в Мензелинске проживала крестьянская семья Будриных. Глава семейства Егор Будрин занимался сапожным промыслом, но жили довольно тяжело [9, л. 2]. Эта неустроенность жизни (из-за отсутствия материальных возможностей дети Будриных были малограмотными) стала благоприятной почвой для развития антиправительственных идей. Сыновья сапожника — Алексей и Сергей Будрины — за «политическую неблагонадежность» во время революционных волнений 1905—1907 гг. оказались в Мензелинской тюрьме, потом братьев отправили в ссылку [9, л. 8]. Так почти через три-

ста лет представители дворянской фамилии, когда-то принявшей служение царю, были готовы свергнуть императора.

Что касается стратегий выживания других мензелинских шляхтичей, то во второй половине XIX — начале XX в. многие из них жили за счет сельскохозяйственных и торговых занятий, а также наемного труда. Например, долгие годы служил мензелинским почтмейстером Александр Васильевич Каташ, дослужившийся до чина коллежского асессора. Он дружил с местным городским головой Алексеем Григорьевичем Попковым, в 1880-е годы попал в скандальную историю: его обвиняли во вскрытии писем горожан по просьбе градоначальника [19]. Но в итоге уволили почтмейстера с официальным обвинением в незаконных поборах с местных крестьян [6, л. 7 об.]. В 1888—1889 гг. обязанности полицейского надзирателя в Мензелинске выполнял Дударь Павел Петрович [22, с. 20]. Конечно, таких примеров работы потомков шляхтичей в местных органах власти было немало и в начале XX в.

Некоторые шляхтичи увеличили земельные наделы путем покупки новых земель. В целом представители мензелинской шляхты долгое время оставались основными владельцами городских земель. По данным 1884 г., более половины земли города Мензелинска принадлежало шляхтичам (6613 дес. из 9413) [33, с. 45].

Например, накануне 1917 г. мензелинский крестьянин Илья Ляхович имел в своем хозяйстве конную станцию на 12 лошадей, животных он сдавал в аренду для прогонов. Большое хозяйство вел совместно с родным братом, также им помогали три наемных работника. Другой потомок шляхтичей Дмитрий Брудинский занимался мелкой торговлей мясом. Некоторые открывали лавки при своих сельских усадьбах.

Часто потомки шляхтичей совмещали несколько видов деятельности. Так, зажиточный крестьянин Иван Каташ служил в Мензелинской уездной управе в качестве технического работника. Для сезонных работ в своем хозяйстве он нанимал работников. Кроме службы в управе и земледелия, содержал бакалейную лавку в деревне Каракуль. Другой служащий земской управы, писарь Иван Тихан, имел лавку в деревне Поисево Мензелинского уезда. Земский почтарь Кузьма Каташ тоже был владельцем собственных земельных угодий и имел зажиточное хозяйство. Занимались сельским хозяйством Петр Пилецкий, Виктор Каташ. Но были и те, кто уже сам являлся наемным работником у крупных землевладельцев. Так, мещанин Михаил Дударь служил управляющим в поместьях Останкова и Листовского [17].

В конце XIX в. наблюдается рост работающих женщин, в том числе из семей шляхтичей. Например, в 1880 г. среди земских учительниц Мензелинского уезда были Аграфена Дударь, Александра Дударь, Антонина Тихановская, Любовь Тихан. Все они учились в Мензелинской женской прогимназии [8, л. 4—43 об.].

В основной массе шляхтичи уже в XIX в. ничем не отличались от других крестьян, мещан и разночинцев. Однако память об историческом прошлом осталась в их сознании. Например, потомки мензелинских шляхтичей и в конце XIX в. подписывались иногда как «мещанин из шляхты г. Мензелинска» или «крестьянин из шляхты г. Мензелинска» [4]. Судя по всему, с такими обозначениями они все же пытались подчеркнуть свое особое происхождение и хоть как-то выделиться среди основной массы горожан.

Первые годы советской власти по-разному отразились на судьбах мензелинских шляхтичей. Кто-то в годы Гражданской войны ушел из города с войсками белых. Например, так случилось с Иваном Тиханом, бывшим писарем Мензелинской земской управы. Его семья жила то в Златоусте, то в Уфе. Он так и не вернулся в родные края [17, л. 10]. Еще один потомок шляхтичей Алексей Каташ до революционных событий занимался сельским хозяйством в Мензелинском уезде. Во время Гражданской войны ушел с бе-

лыми войсками, но потом, в 1920 г., вернулся обратно в родной город. Алексей Каташ работал пожарником сначала в Мензелинске, потом в селе Бережные Челны. По-другому сложилась судьба его родственника Ивана Каташа. Бывший технический работник Мензелинской уездной управы и содержатель бакалейной лавки в первые годы советской власти занимался сельским хозяйством, в 1932 г. был осужден за «применение наемного труда» на 10 лет. Такая же судьба постигла и мензелинца Илью Ляховича [17, л. 47]. В конце 1920-х годов в Мензелинске был осужден и лишен свободы за растрату кооперативных средств Николай Брудинский. В 1925—1927 гг. он работал в кооперативной артели. Семья его выехала из Мензелинска в Сарапул, оттуда больше в Мензелинск не возвращалась [17, л. 12].

Схожим образом сложилась судьба представителей шляхетского рода Дударей. Михаил и Георгий Дударь в начале XX в. своего хозяйства уже не имели, а служили управляющими у крупных мензелинских помещиков Останкова и Листовского. Георгий позднее оставил должность управляющего и жил в Мензелинске, поступил на службу в одно из городских учреждений власти. После революции его брат, бывший мещанин Михаил Дударь решил заняться собственным аграрным производством. Когда началась коллективизация, он добровольно вступил в колхоз, но его продолжали считать кулаком. Михаил Дударь вместе с семьей все же успел выехать из Мензелинска еще до официального осуждения.

Эти примеры отражают общую картину 1920—1930-х гг., когда представители многих социальных групп пытались выжить в новых условиях. Но потомки шляхтичей, в большинстве своем крестьяне и мещане, определенными общественными силами признавались особенно подозрительными гражданами новой России. Подтверждением этому служит коллекция документов о мензелинских шляхтичах из Мензелинского краеведческого музея. Эти материалы — сведения о жителях города Мензелинска, рожденных в 1900—1930-х гг. Сотрудниками Мензелинского горсовета скрупулезно собирались данные о происхождении, роде деятельности, местонахождении и другие сведения о представителях семей шляхтичей вплоть до 1950-х гг. Примечательна небольшая приписка в конце почти каждой такой характеристики: «компрометирующих материалов не имеется».

Заключение. Таким образом, мензелинские шляхтичи в середине XVIII — начале XX в. прошли сложный процесс сословной трансформации. С одной стороны, часть шляхтичей была причислена к дворянству — благодаря служебным заслугам они сумели сохранить свой статус и после указа 1822 г. Другая часть шляхетства пополнила ряды казачества и крестьянства. К концу XIX в. они представляли собой особый тип городских крестьян Мензелинска, а местному шляхетскому обществу (общине) принадлежала существенная доля городских земель. Два вектора развития усилили социальный разрыв между потомками шляхтичей — крупными помещиками-дворянами и хуторянами-крестьянами. Последние нередко уже не могли содержать свои земельные угодья, поэтому шляхтичи-крестьяне пополнили число мензелинского мещанства, занимались наемным трудом.

Однако ни самое обыкновенное материальное положение, ни служебные или иные заслуги перед Отечеством, ни трехсотлетняя история шляхетских родов в Закамье не смогли полностью перечеркнуть их иноземное происхождение даже в начале XX в. Несмотря на очевидную ассимиляцию, потомки мензелинских шляхтичей воспринимались властями как особая социальная группа даже в советские годы. Впрочем, эта «внутренняя шпиономания» не исключает важную роль мензелинских шляхтичей и их потомков в хозяйственной и общественной жизни страны, а также в различных исторических событиях как в XVII—XIX вв., так и в дальнейший период.

Список использованных источников и литературы

1. Азнабаев Б. А. Судьба смоленской шляхты на Южном Урале в XVII—XVIII веках // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 2. С. 209—218.
2. Аминов Р. Р. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748—1917 гг.). Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 346 с.
3. Васильев И. М. Податное и военно-служилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г. Ч. 1. Уфа, 2000. 171 с.
4. Волжский вестник. 1898. 17 июня, № 148.
5. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9155.
6. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 571. Оп. 1. Д. 1.
7. ГА РТ. Ф. 571. Оп. 1. Д. 3.
8. ГА РТ. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 1.
9. ГА РТ. Ф. П-30. Оп. 3. Д. 542.
10. Ден В. Э. Население России по пятой ревизии. Т. 2, ч. 2. М. : Университетская тип., 1902. [6], 319 с.
11. Ермаков В. В. Обращение к истокам: история Набережных Челнов и региона Восточного Закамья. Ч. 1. 2-е изд. Казань : Казанский гос. ун-т, 2008. 465 с.
12. Иванов Н. С. Сведения о городе Мензелинске и его округе // Журнал Министерства внутренних дел. 1850. № 1. С. 22—38.
13. Из истории почтовой связи (к 125-летию образования Казанского почтово-телеграфного округа) : сб. документов и материалов / под общ. ред. Д. И. Ибрагимова и Н. А. Никифорова. Казань : Главное архивное управление при КМ РТ, 2010. 269 с.
14. Казанские известия. 1818. 20 нояб., № 93.
15. Курбатов В. Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург : Оренб. губ. тип., 1865. С. 55—82.
16. Мельников-Печерский П. И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // В. И. Даль и Общество любителей российской словесности. СПб. : Златоуст, 2002. С. 5—66.
17. Мензелинский краеведческий музей. КП-6594 (Коллекция «Шляхтичи»).
18. Мензелинский край: история и современность / сост. Ю. Ю. Юсупов, М. Н. Сафиуллин. Казань : Интер-Графика, 2006. 497 с.
19. Н. Ш. Очерки русской жизни. Провинция и провинциальная печать // Русская мысль. 1886. № 1. С. 133.
20. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 115.
21. Новиков В. А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. СПб. : Тип. Ф. Сущинского, 1878. 131 с.
22. Памятная книжка Уфимской губернии на 1889 год. Уфа : Губ. тип., 1889. 312 с.
23. Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости: Сведения о помещичьих имениях. Т. 2. СПб. : Комиссия для составления положений о крестьянах, 1860.
24. Рахматуллин У. Х. Население Башкирии в XVII—XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М. : Наука, 1988. 188 с.
25. Роднов М. И. Новые материалы о помещичьем хозяйстве в Мензелинском уезде накануне отмены крепостного права // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2/2. С. 72—78.
26. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1139. Оп. 1.
27. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 3. Д. 111.
28. РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 81.
29. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 295.
30. Савелов Л. М. Родословные записи Леонида Михайловича Савелова. Вып. 1. М. : Т-во Печатня С. П. Яковлева, 1906. 270, XIV с.
31. Самарская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб. : Центр. стат. ком. Мин-ва внутр. дел, 1864. XL, 133 с.
32. Сборник императорского русского исторического общества. Т. 115. СПб., 1903. XIV, 546 с.
33. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. 6 : Губернии приуральской группы и крайнего севера. СПб. : Тип. Мин-ва внутр. дел, 1884. [6], IV, 153, 63 с.
34. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Ф. 35. Оп. 1. Д. 23.
35. Юдин Л. К истории пугачевщины // Русский архив. М., 1896. Т. 5. С. 5—46.

Поступила в редакцию 13.05.2022

Габдрафикова Лилия Рамилевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник¹,
ведущий научный сотрудник²

¹ Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Батурина, 7а

² Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук»
Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31

E-mail: bahetem@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9940-9097

UDC 94(47)

L. R. Gabdrafikova

Menzelinsk gentry in the 18th — early 20th century

The Menzelinsk gentry are a small social group formed from the military of the Smolensk fortress (The Polish-Lithuanian Commonwealth), resettled in 1654—1667 to the Menzelinsk Ostrog (fortress). The article highlights the history of relations between foreign-gentry and Cossacks in the 18th century, issues of legal regulation of the status of a gentry-nobles in the late 18th — early 19th centuries and their land holdings in the Menzelinsk district, gives the examples of successful integration and professional employment of the descendants of the gentry. In addition, the article includes the statistics of 1835 on the resettlement of the gentry in the Orenburg province. The documents of the Menzelinsk Museum of Local Lore illustrate the life of the gentry on the eve of 1917 and in the first Soviet years. Most of the Menzelinsk gentry retained their corporate identity for a long time. At the same time, the author concludes that over several centuries this social group has undergone class transformations: it has joined the ranks of nobility, Cossacks, peasantry and lower middle class.

Key words: Polish gentry, Orenburg province, Ufa province, county town, social history of Russia.

Gabdrafikova Liliya Ramilevna, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher¹, Leading Research Fellow²

¹ Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Russian Federation, 420111, Kazan, ul. Baturina, 7a

² Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”
Russian Federation, 420111, Kazan, ul. Lobachevskogo, 2/31

E-mail: bahetem@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9940-9097

References

1. Aznabaev B. A. Sud’ba smolenskoï shlyakhty na Yuzhnom Urale v XVII—XVIII vekakh [The fate of Smolensk gentry in the Southern Urals in the XVII — XVIII centuries]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta — Izvestia of Smolensk State University*, 2017, no. 2, pp. 209—218. (In Russian)

2. Aminov R. R. *Tatary-kazaki v sostave Orenburgskogo kazach’ego voiska (1748—1917 gg.)* [Tatar Cossacks in the Orenburg Cossack Army (1748—1917)]. Kazan, In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2017. 346 p. (In Russian)

3. Vasil’ev I. M. *Podatnoe i voenno-sluzhiloe naselenie Bashkirii po nakazam v Ulozhennuyu komissiyu 1767 g. Ch. I* [Taxed estates and military service population of Bashkiria according to orders to the Legislative Commission of 1767, Part 1]. Ufa, 2000. 171 p. (In Russian)

4. *Volzhskii vestnik*, 1898. June 17, no. 148. (In Russian)

5. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archive of the Orenburg Region]. F. 6. Op. 4. D. 9155.

6. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan] (GART). F. 571. Op. 1. D. 1.

7. GART. F. 571. Op. 1. D. 3.

8. GART. F. 1286. Op. 1. D. 1.

9. GART. F. P-30. Op. 3. D. 542.

10. Den V. E. *Naselenie Rossii po pyatoi revizii. T. 2, ch. 2* [The population of Russia according to the fifth revision. Vol. 2, part 2]. Moscow, Universitetskaya tip. Publ., 1902. [6], 319 p. (In Russian)

11. Ermakov V. V. *Obrashchenie k istokam: istoriya Naberezhnykh Chelnov i regiona Vostochnogo Zakam’ya. Ch. I. 2-e izd.* [Appeal to the roots: the history of Naberezhnye Chelny and the Eastern Trans-Kama region. Part 1. 2nd ed.]. Kazan, Kazanskii gos. un-t Publ., 2008. 465 p. (In Russian)

12. Ivanov N. S. Svedeniya o gorode Menzelinske i ego okruge [Information about the city of Menzelinsk and its district]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*, 1850, no. 1, p. 22—38. (In Russian)
13. *Iz istorii pochtovoi svyazi (k 125-letiyu obrazovaniya Kazanskogo pochtovo-telegrafnogo okruga): sb. dokumentov i materialov* [From the history of postal communication (to the 125th anniversary of the formation of the Kazan postal and telegraph district). Collect. of documents and materials]. Kazan, Glavnoe arkhivnoe upravlenie pri KM RT Publ., 2010. 269 p. (In Russian)
14. *Kazanskie izvestiya*, 1818. November 20, no. 93. (In Russian)
15. Kurbatov V. D. Menzelinsk. *Pamyatnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1865 god* [Commemorative book of the Orenburg province for 1865]. Orenburg, Orenb. gubern. tip. Publ., 1865, pp. 55—82. (In Russian)
16. Mel'nikov-Pecherskii P. I. Vospominaniya o Vladimire Ivanoviche Dale [Memories about of Vladimir Ivanovich Dal]. *V. I. Dal' i Obshchestvo lyubitelei rossiiskoi slovesnosti* [V. I. Dal and the Society of Lovers of Russian Literature]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2002, pp. 5—66. (In Russian)
17. *Menzelinskii kraevedcheskii muzei. KP-6594 (Kolleksiya "Shlyakhtichi")* [Menzelinsk Museum of Local Lore. KP-6594 (Collection "Shlyakhtichi")]. (In Russian)
18. *Menzelinskii kraj: istoriya i sovremennost'* [Menzelinsk region: history and modernity]. Kazan, Inter-Grafika Publ., 2006. 497 p. (In Russian)
19. N. Sh. Ocherki russkoi zhizni. Provintsiya i provintsial'naya pechat' [Essays on Russian life. Province and provincial press]. *Russkaya mysl'* [Russian Thought]. 1886, no. 1, pp. 133. (In Russian)
20. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archives of the Republic of Bashkortostan]. F. I-6. Op. 1. D. 115. (In Russian)
21. Novikov V. A. *Sbornik materialov dlya istorii ufimskogo dvoryanstva* [Collection of materials for the history of the Ufa nobility]. St. Petersburg, Tip. F. Sushchinskogo Publ., 1878. 131 p. (In Russian)
22. *Pamyatnaya knizhka Ufimskoi gubernii na 1889 god* [Commemorative book of the Ufa province for 1889]. Ufa, Gub. tip. Publ., 1889. 312 p. (In Russian)
23. *Prilozheniya k trudam redaktsionnykh komissii dlya sostavleniya polozhenii o krest'yanakh, vykhodyashchikh iz krepostnoi zavisimosti: Svedeniya o pomeshchich'ikh imenyakh. T. 2* [Applications to the works of editorial commissions for the preparation of regulations on peasants emerging from serfdom: Information about landlord estates. Vol. 2]. St. Petersburg, Komissiya dlya sostavleniya polozhenii o krest'yanakh Publ., 1860. (In Russian)
24. Rakhmatullin U. Kh. *Naselenie Bashkirii v XVII—XVIII vv. Voprosy formirovaniya nebashkirskogo naseleniya* [The population of Bashkiria in the XVII—XVIII centuries. Questions of the formation of the non-Bashkir population]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 188 p. (In Russian)
25. Rodnov M. I. Novye materialy o pomeshchich'em khozyaistve v Menzelinskom uезде nakanune otmeny krepostnogo prava [New materials on the landowner's economy of Menzelinsk uyezd on the eve of the abolition of serfdom]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta — Vestnik of Samara State University*, 2012, no. 2/2, pp. 72—78. (In Russian)
26. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 1139. Op. 1.
27. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 1286. Op. 3. D. 111.
28. RGIA. F. 1286. Op. 4. D. 81.
29. RGIA. F. 1286. Op. 5. D. 295.
30. Savelov L. M. *Rodoslovnye zapisi Leonida Mikhailovicha Savelova. Vyp. 1* [Genealogical records of Leonid Mikhailovich Savelov. Issue 1]. Moscow, T-vo Pechatnya S. P. Yakovleva Publ., 1906. 270, XIV p. (In Russian)
31. *Samarskaya guberniya. Spisok naseleennykh mest po svedeniyam 1859 goda* [Samara province. List of populated places according to 1859]. St. Petersburg, Tsentr. stat. kom. Min-va vnutr. del Publ., 1864. XL, 133 p. (In Russian)
32. *Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 115* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 115]. St. Petersburg, 1903. XIV, 546 p. (In Russian)
33. *Statistika pozemel'noi sobstvennosti i naseleennykh mest Evropeiskoi Rossii. Vyp. 6: Gubernii priural'skoi gruppy i krainego severa* [Statistics of land ownership and settlements in European Russia. Issue 6: Provinces of the Ural group and the Far North]. St. Petersburg, Tip. Min-va vnutr. del Publ., 1884. [6], IV, 153, 63 p. (In Russian)
34. *Tsentr pis'mennogo i muzykal'nogo naslediya Instituta yazyka, literatury i iskusstv im. G. Ibragimova Akademii nauk Respubliki Tatarstan* [Center for written and musical heritage of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences]. F. 35. Op. 1. D. 23. (In Russian)
35. Yudin L. K istorii pugachevshchiny [On the history of the Pugachev region]. *Russkii arkhiv* [Russian archive]. Moscow, 1896, vol. 5, pp. 5—46. (In Russian)